

М.Х.ИДЕЛЬБАЕВ

«КУЗ-КУРПЯЧ» – БАШКИРСКАЯ ПОВЕСТЬ НАЧАЛА XIX В.

Мақалада 1812 ж. Т.Беляевтің аударуымен Қазан қаласында баспадан шыққан, ортағасырда башқұрттар арасында кеңінен таралған «Кузыйкурпес и Маянхылыу» атты эпосты негізге ала отырып жазылған авторы белгісіз «Куз-курпяч» повесі туралы сөз болады. Автор «Кузыйкурпес и Маянхылыу» эпосының Орал-Поволжье, Орта Азия, Сібір және Алтайды мекендеген түркі халықтары арасында кеңінен таралған нұсқаларына ғылыми талдау жасайды.

Makalede önceden belli olmayan 1812 yılında Kazan şehrinde T.Belyayev'in tercümesi ile neşredilen romandan bahsedilir. Roman birkaç Türk halklarına ait olan Kuz-Kurpeş ve Mayanlılu destanına esas olarak yazılmıştır.

Эпическое повествование, связанное с именем Курпеса и Баяны, имело большое распространение среди башкир. В разное время записано более сорока его вариантов. Большинство из них известно под названием «Кузыйкурпес и Маянсылу». В начале XIX в. на основе ряда известных версий эпоса создана его литературная интерпретация, которая в 1809 г. была переведена Т.Беляевым на русский язык и в 1812 г. издана в г. Казани под названием «Куз-Курпяч». Данное издание вызвало широкий интерес в научном мире. О нем в свое время высказывались Г.Б.Потанин, П.М.Кудряшев, В.И.Даль, В.В.Радлов, Н.В.Катанов, И.Н.Березин, И.М.Ильминский и др. А.С.Пушкин, будучи в Оренбурге, имел желание заролучить один его экземпляр [1, 336]. В XX в. «Куз-Курпячу» посвятили свои исследования М.Ауэзов, Л.И.Климович, а также Кирей Мерген и целая плеяда башкирских ученых. Народный поэт Башкортостана Мустай Карим отметил: «Значение этого бессмертного произведения велико еще тем, что оно принадлежит не только башкирам, оно обогрето сердечным теплом, озарено светлым разумом и других братских народов, с которыми были схожи и близки наши исторические судьбы» [2, 336].

Действительно, сюжеты типа «Кузыйкурпес и Маянсылу» широко известны среди тюркских народов. В Средней Азии, на Алтае, в Сибири они с раннего средневековья бытовали в многочисленных вариантах. Наибольшее распространение имели они у казахов – наших ближайших соседей. По высказыванию М.Ауэзова, для казахской молодежи, пережившей трагическую любовь, Баян и Корпеш стали такими же нарицательными именами, как на Западе Ромео и Джульетта [3, 84].

Среди всех известных версий эпоса «Куз-Курпяч» 1812 года занимает особое место. Он – не фольклорный памятник, а интерпретированное на основе эпоса письменно-литературное произведение. В своих исследованиях, посвященных данному памятнику, эту особенность неоднократно подчеркивал Л.И.Климович: «В факте издания «Куз-Курпяча» в Казани в

1812 году ярко проявлялась важная роль художественного перевода в культурном общении народов и благотворное влияние русского художественного слова для башкирской литературы, ее устного поэтического творчества, для литератур братских народов...» [1, 339].

В самом тексте содержатся явные признаки, неоспоримо указывающие на его «авторское происхождение». Во-первых, главные герои, в отличие от фольклорных версий, индивидуализированы, большое место уделено раскрытию их внутреннего мира и мировоззрения. Во-вторых, внесены детали и события, которые не могли быть в остальных текстах: зеркало Мяская, по которому можно увидеть эпизоды из будущего; башкирские восстания и их предводители Акай, Кильмяк, Карасакал, Батырша и др. Они органично переплетены с основным сюжетом произведения и способствует раскрытию его главной идеи. В третьих, вырисовывается личная позиция конкретного автора с его устойчивым мировоззрением и национальным самосознанием. Похоже, что он отлично знал башкирский фольклор, в том числе – различные варианты эпоса «Кузыйкурпес и Маянхылу». Многие детали автор целесообразно заимствовал из нескольких народных вариантов, а ненужные, несмотря на то, что они в фольклорных текстах занимали устойчивое место, безжалостно отвергал. Автор знал, что эпос имел широкое распространение и среди казахов; более того, он был знаком с некоторыми его казахскими вариантами. Это обстоятельство помогло ему расширить и углубить идейное содержание литературной версии. Как известно, во всех без исключения башкирских фольклорных вариантах эпоса фигурируют лишь башкирские имена и, соответственно, защищается идея единства родственных племен. Автор же «Куз-Курпяча» осознанно выдвинул идею братства двух народов – башкирского и казахского, ибо предводителями племен, вступивших во взаимоотношения, являются башкир Карабай и казах Сарыбай.

Кто же был автором «Куз-Курпяча»?

Башкирский ученый М.Г.Рахимкулов в начале 80-х г. XX в. выдвинул версию о том, что Т.И.Беляев является и автором, и переводчиком изданной в 1812 г. башкирской повести (Рахимкулов, 138-168). На эту тему можно было бы затеять дискуссию в специальной статье. Однако в самом тексте «Куз-Курпяча» ясно прослеживается, что в создании данного памятника принимали участие по меньшей мере три человека: сказитель народного эпоса («рассказчик»); «поэт-историк», записавший его и на основе нескольких вариантов сделавший литературную импровизацию (его Т.Беляев называет «курайчи»); переводчик на русский язык, то есть Т.Беляев. О первых двух из них – рассказчике и авторе по несколько раз упомянуто соответственно в специальных отступлениях автора и переводчика. Например, автор о сказителе: «В сем месте рассказчик башкирской повести остановился, приглашая слушателей к большому вниманию...»; «Потом

рассказчик продолжает повесть свою явственным напевом...»; «Рассказчик замолчал, ибо все слушатели произвели громкий смех...» и др. [4, 279, 372]. Переводчик об авторе – курайчи: «Живучи между башкирами, случилось мне прочесть на их языке *рукопись* (Здесь и далее курсив наш – М.И.) под названием «Кузкурпяч, башкирская повесть»; «Неизвестно, когда она *писана*: но из приношения *сочинителя*, которое также *при переводе* помещаю, видно, что она собрана из песен и из устных преданий поэтом-историком башкирским курайчем. В нем он говорит, что *писал* свою сказку в угодность одной особы, любившей башкирцев...»; «удалось ли мне сделать таким *перевод*, каков *подлинник*, оставляю на рассуждение читателей» [4, 265]. Впрочем, о природе происхождения этого произведения ясно сказано в его заглавии: «Куз-Курпяч, башкирская повесть, *писанная* на башкирском языке одним курайчем и *переведенная* на российский язык в долинах гор Рифейских, 1809 года» [4, 265]. Историю народа, его общественно-политические и социально-бытовые проблемы и фольклорный репертуар как никто иной на рубеже XVIII–XIX вв. знали сэзэны. Имея в основном знатное происхождение, они прекрасно владели грамотой письма на арабской графике, игрой на музыкальных инструментах (как правило, на курае, домбре или кубызе), при необходимых случаях свои импровизации или же сочинения своих предшественников фиксировали на бумаге. Таким образом, автором рукописи «Куз-Курпяча» мог быть один из сэзэнов второй половины XVIII – начала XIX вв.

Именно в то время в общественно-политической сфере Башкортостана особую злободневность приобретают башкиро-казахские и башкиро-русские отношения. Как известно, царское самодержавие, в целях разрушения мощи колониальных народов, вела политику затравливания их друг против друга, в результате чего между башкирами и казахами то и дело возникали стычки типа баранты. Учитывая, видимо, ту специфическую атмосферу времени, сэзэн-курайчи намеренно расширил основную идею, содержащуюся в многочисленных башкирских фольклорных вариантах эпоса, и затронул проблему добрососедства двух родственных соседствующих народов. В литературную версию автор вносит еще одно новшество: Куз-Курпяч, в отличие от главного героя подавляющего большинства народных вариантов эпоса, не погибает. Счастливая концовка здесь символизирует бессмертие и вечность духа единства и силы любви. Эту идею автор подкрепляет и другими символическими эпизодами. Когда Сарыбай оказался под когтями Юлбарса, его спасает Карабай; между казахским парнем Барлыбаем и башкиром Куз-Курпячем завязывается крепкая дружба, между казахским ханом и Куз-Курпячем – отцовская и сыновья любовь; Куз-Курпяч спасает кочевье и имущество Карабая от нашествия врагов.

М.Г.Рахимкулов находит общие мотивы между «Куз-Курпячем» и «Словом о полку Игореве»: «Идея сплочения, объединения башкирских племен в более крупные родо-племенные союзы перед нашествием иноземных захватчиков (татар-монгол – М.И.), лежащая в основе эпического памятника «Кузы-Курпес и Маянхылу», представляется созвучной с идеей величайшего произведения древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» [5, 152]. Время создания «Слова» и фольклорных версий эпоса приходится приблизительно к одной эпохе – преддверию татаро-монгольского нашествия. В версии поэта-курайчи, согласно духу времени создания повести – уже рубежа XVIII–XIX вв. – внесена также проблема русско-башкирских отношений. Она начинается с самого начала произведения: в поэтическом обращении к представителю русского народа (как позднее выяснили исследователи – прокурору Уфимской губернии, помещику Н.Н.Тимашеву) высказано в его адрес немало теплых слов. В частности, говорится, что «отцом твоим любимый /описывал народ/: он другом был народа, /народ его любил/»; «Твоей забавы ради /я повесть написал, /чтобы ты, любя башкирцев, /в свободный чае читал» [4, 265]. Отца Н.Н.Тимашева автор назвал «осьмиродцем», то есть представителем восьмого башкирского рода: «К семи родам причисля, осьмым его назвать» [4, 266], а его самого, соответственно – «сыном осьмиродца». Далее в тексте он последовательно придерживался уважительного отношения к русскому народу и стремился давать объективную оценку русско-башкирским отношениям. Данная проблема затрагивается в беседе Куз-Курпяча с Мяскаем; в волшебном зеркале последней разнасторонне показываются картины, связанные с общественно-политическими отношениями Русского государства с Башкортостаном. Башкирские предводители, осмелившиеся поднять народ против «белого хана» (царя), казалось бы, осуждаются со стороны автора – Мяскай их называет «злодеями», «коварными». Однако далее о каждом из них упоминается в восхитительном тоне: «предприимчивый батыр Карасакал», «неустршимый батыр Акай», «мужественный Кильмяк», «смелый и мужественный Батырша...» [4, 305-306]. Бесспорно, симпатии поэта-курайчи и Мяскай на их стороне.

В «Кузкурпяче» на первый план ставятся также морально-этические проблемы. Действия героев оцениваются исходя из самых высоких требований народной этики. Проводится мысль, что люди, равно как и племена и народы, должны поддерживать между собой дружеские, добрососедские отношения. Главный герой произведения ни при каких обстоятельствах, даже в самых экстремальных ситуациях, не допускает отступлений от устоявшихся морально-этических норм; его личностные качества автор как бы незаметно связывает с национальным характером башкир и стремится вызвать у читателя чувство гордости за свой народ. В авторской версии морально-этические вопросы усилены, можно допустить,

сознательно. Скажем, в ряде народных вариантов эпоса после гибели Карабая его род постигает разорение, что становится причиной разлада с Сарыбаем. То-есть, имущественное благополучие здесь выступает решающим фактором, в «Куз-Курпяче» же основной конфликт построен на человеческих отношениях. Поэт-курайчи хотел видеть, что честность и правдивость для Куз-Курпяча – превыше всего, поэтому он отказался от показа каких-либо недостатков своего героя. В иных вариантах эпоса Кузыйкурпяч, например, не слушается различных советов Маянсылу или же допускает грубость по отношению к матери. В книге всего этого быть не могло: идеальной фигуре джигита чужды малейшие недостатки.

А вот в показе образов женщин особых расхождений нет. Как в версии поэта-курайчи, так и в народных вариантах эпоса женщины наравне с мужчинами скачут на конях, ходят на охоту, принимают участие в сражениях. В то же время они остаются представителями прекрасной половины человечества; по физической силе они не противопоставляются мужчинам, а красотой и прелестью служат для остальной персонажей источником вдохновения, силы и мужества. Словом, и народ, и поэт-курайчи вложили в образы женщин глубоко гуманистическое содержание.

В «Куз-Курпяче» дана вереница положительных и отрицательных персонажей второго плана. Некоторые из них появляются лишь в отдельных эпизодах, а иные вовсе только перечисляются в связи с их участием в состязаниях или сражениях. Зато герои первого плана, которые принимают участие в произведении от начала до конца, – как положительные, так и отрицательные, – в определенной степени индивидуализированы, более того, отчасти раскрыты их психологические особенности. Душевное состояние Карабая, дважды спасавшего своего друга Сарыбая от гибели и оказавшегося в центре всеобщего внимания, в книге передается следующими строками: «Добрый и честный Карабай, не слушая слов его (Сарыбая – М.И.) и не отвечая на красноречивую похвалу его, радовался от всего сердца, что имел случай избавить его из опасности» [4, 275]. Под стать Карабаю его сын Куз-Курпяч – красив душой и внешностью. Физической силой, храбростью, умом, добротой и импровизаторскими способностями он несколько напоминает Салавата Юлаева. Кстати, через обращение к именам более древних, полубогатырских батыров Искандара (Александра Македонского), Батыя, Тимура и др., автор сравнивает их с героями своего произведения и последних ставит выше: «Наши батыры удалые, на чужую кровь не жадные...» [4, 283].

Через личные переживания главных героев и их отношения к своим возлюбленным автор поднимает еще одну важную тему – тему любви. Как было сказано выше, в большинстве башкирских фольклорных вариантов эпоса главные герои, любящие друг друга, погибают. Это значит, что народное мировоззрение допускало невозможность противостояния силы

любви злым, отрицательным силам. Да, в раннем средневековье – в эпоху создания народных версий эпоса – перед любящими парами возникали различные преграды, связанные с социальными устоями, обычаями, завистью, злом и др. Но в художественном мироощущении народа любовь непременно оставалось бессмертной и непобедимой; это подтверждается устойчиво повторяющимся эпизодом из финала множества вариантов того же эпоса: на могилах влюбленных появляются два дерева, и их ветки срастают вместе, где бы эти могилы не находились – даже на двух берегах одной реки. В «Куз-Курпяче» перед влюбленными также предстает множество преград. Но они в основном связаны с главной идеей произведения – здесь речь идет о препятствиях, которые мешают сближению двух народов. Большинство из них вырастает из-за нежелания Сарыбай породниться с потомками Карабая. Вместе с изменением намерений Сарыбая, то есть его пожеланием подружиться с Куз-Курпячем, исчезают и преграды молодых. Более того, сам Сарыбай выступает с предложением выдать свою дочь за башкирского батыра. Выходит, в произведении поэта-курайчи тема любви не претендует на равенство с центральной проблемой, а больше служит для раскрытия красоты души и духовного величия героев, которые борются за дружбу и единство соседствующих родственных народов.

В книге, благодаря воле автора, хотя и мельком, но затрагиваются и социальные вопросы. Симпатии поэта-курайчи, – бесспорно, на стороне трудового народа. В то же время автор верно угадал требования народных масс – мечту о «добром» и «справедливом» правителе. Устами Мяская высказываются суждения о доброте белого царя. Помимо того, казахский хан, за сына которого Сарыбай хотел сватать свою дочь, оказался на редкость справедливым, чем вызывает симпатию у читателя.

Как уже выше говорилось, автор литературной интерпретации эпоса – грамотная и одаренная личность с довольно богатым литературным стажем и большой эрудицией. Знание сюжетов ряда вариантов эпоса и использование их традиций подтверждают, что он был прекрасным знатоком башкирского фольклора. Кроме того, он прекрасно знал традиции древней и средневековой общепюркской письменной литературы. Это ощущается еще в самом начале произведения. Как известно, посвящение, предшествующее основным событиям, было неотъемлемой частью письменных памятников восточной литературы. Там, как правило, давались некоторые сведения и об авторе, и самом произведении, и той личности, кому посвящено данное сочинение. Посвящение «Куз-Курпяча» весьма напоминает вступительные части шедевров Фирдоуси, Низами, Кутба, Хорезми и др., оно адресовано, как выше говорилось, близкому другу башкир – «сыну осмиродца». Здесь же оговаривается, о чем говорится в основной части книги: «От прадедов собрав, двух батырей деянья писанию предал я. Их нравы простодушны не кистью малевал, невинность обнаженную без замыслов писал» [4, 266]. Далее весь

сюжет и композиция «сотканы» из «восточных узоров», сюда вошли даже некоторые религиозные и исторические персонажи из средневековых книжных памятников: Магомет, Авлия, Искандар, Батый, Тимер-Аксак и др. Песня батыров, исполненная ими после победы над дью-пярием, весьма напоминает сокий-наме Навои, вступление к «Жюмжуме Султан» Х.Катиба, «Битву» Салавата Юлаева.

«Куз-Курпяче» чувствуется также «дыхание» историко-художественных памятников исконно башкирской литературы. Мотивы шежере, скажем, обнаруживаются в самом начале произведения: в стихотворном посвящении упоминается о семи башкирских родах. Далее хвалебные песни в честь Карабая весьма созвучны со стихотворными строками из шежере усергенского рода, где, разносторонне характеризуя, воспеваются достоинства знатных личностей. Форма шежере умело использована в разговоре главного героя с Мяскаем. Там речь идет в основном о прошлом и будущем сородичей Куз-Курпяча; причем, эпизод предсказания будущего не проник не в один из фольклорных вариантов эпоса, это – сугубо авторской прием, который он использовал для охватывающей оценки большого исторического отрезка времени от средневековья, то есть эпохи, в которой живут его герои, до XIX в., то есть до периода создания произведения. Эпизод с зеркалом Мяская Л.Климович называл «публицистикой» [6, 330]. Действительно, ряд вопросов, который волновал автора и его современников – нахождение башкир под покровительством царской России, восстания, то и дело вспыхивающие из-за недовольства ее политикой, положительные и отрицательные стороны массового переселения других народов на территорию Башкортостана и др. – изложен в произведении с особой публицистической остротой. Именно здесь автор обратился к традициям шежере и сумел показать историю народа в виде генеалогической цепи, т.е. намекнул на то, что его сородичи должны жить здесь, чувствуя себя полноправными хозяевами земли, свободно придерживаясь своих обычаев. Поэт-курайчи, видимо, прекрасно знал, что башкирские шежере, наряду с выполнением функций историко-художественного повествования, служили также и документом, удостоверяющим права башкир той или иной волости на владение ее землями.

Огромный житейский опыт, большие знания в области истории и словесного искусства, природный литературный опыт поэта-курайчи способствовали ему созданию произведения, представляющего собой синтез традиций средневековых народных эпических повествований и письменной литературы нового времени. Если мифические элементы заимствованы из различных версий эпоса, то религиозные мотивы и пропаганда ислама – призыв к исправному соблюдению его норм (намаз, омование, ураза и др.) – продиктованы атмосферой времени, в котором жил автор. Судя по его

грамотности, он получил образование в одном из крупных медресе, а в учебных заведениях подобного типа изучению ислама отводилось большое место. «Курайчи-поэт-историк был, видимо, прекрасно знавшим религиозную литературу и пережившим его влияние мусульманином», – заметил известный башкирский ученый А.И.Харисов [6, 93]. Обратим внимание, однако, и на то обстоятельство, что мифические элементы и религиозные мотивы далеки от оказания решающего влияния на идейную направленность произведения. Они не выступают здесь основной силой или главным оружием положительных героев. Эпизоды с мифическими явлениями служат, скажем, лишь для ускорения каких-либо событий с участием Куз-Курпяча и его друзей, помогают им сократить путь и способствуют скорейшему достижению поставленной цели. А если в произведении речь идет о принципиальных реально-жизненных вопросах – в состязаниях, йыйынах, силовых поединках, морально-этическом и духовном единоборстве – герои одерживают победы при помощи реальной силы разума и совести.

Мировоззрение, искушенность в области устной и письменной литературы поэта-курайчи наложили отпечаток на языко-стилевые особенности памятника. В произведении преобладает стиль эпических жанров башкирского народного творчества: эпоса, сказок, легенд и преданий. Местами ощущается также влияние языка общетюркских и башкирских письменных памятников. Как было отмечено выше, в «Куз-Курпяче» повествование о реальных событиях частично чередуется с эпизодами с мифическими элементами. Примечательно, что автор здесь в каждом случае сумел найти подходящий стиль повествования, способствующий наиболее доходчивому восприятию читателем. В повествованиях о поединках с сверхъестественными силами веет атмосферой общетюркских архаических эпосов и других средневековых дастанов, а картины охоты, конных скачек, различных состязаний, раздачи подарков, праздничных угощений описаны в мельчайших подробностях, глубоким знанием быта и обычаев башкир. Преобладание местами натуралистических красок не помешало однако общему приподнято-романтическому духу стиля повествования. Положительные герои первого плана Куз-Курпяч, Карабай, Баяна, Алдар и др. даже в самых критических ситуациях не теряют самообладания, не падают духом, а действуют с глубокой уверенностью в свои позиции, в веру и мощь сородичей, торжество справедливости.

Таким образом, «Куз-Курпяч» был издан на рубеже XVIII и XIX вв. как письменно-литературное произведение, интерпретированное по мотивам средневекового народного эпоса «Кузыйкурпес и Маянхылу», который имел большое распространение среди тюркских народов в различных версиях. Будучи написанным рукой грамотного поэта-курайчи с большим житейским и литературно-творческим опытом, данное эпическое повествование призывает башкирские и казахские народы к братскому добрососедству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Климович Л.И. Наследство и современность. М., 1971.
2. Карим М. Мгновения жизни. Уфа, 2002.
3. Песня степей: Антология казахской литературы. М., 1940.
4. Башкирское народное творчество: Т.1. Эпос. Уфа, 1987.
5. Рахимкулов М.Г. Встречи с Башкирией. Уфа, 1982.
6. Харисов А.И. Литературное наследие башкирского народа. Уфа, 1965.

REZUME

М.Н.IDELBAEV (Ufa)

"KUZ- KURPYACH" - BASHKIR STORY BEGINNING XIX C.

In article it is a question of the story of the unknown Bashkir sesen, published in 1812 in Kazan in T.Beljaev's translation. The story has been written, being based on a number of versions of the medieval epos 'Kuzyikurpes and Majanhylyu', having a wide distribution among the Bashkir, the Kazakh and of some the Turkic people of the Uralo-Volga region, Central Asia, Caucasus, Siberia and Altai.